

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-13-15

ПРОКОПОВА Мария Александровна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАРУШЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуются проблемы судебной защиты избирательных прав граждан при использовании дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Анализируются нормативные основы ДЭГ, правовые позиции Верховного Суда РФ, а также практика рассмотрения споров, связанных с применением электронных технологий на выборах. Выявляются трудности доказывания нарушений при дистанционном волеизъявлении: анонимность бюллетеня, отсутствие бумажного следа, технические сбои. Рассматриваются вопросы идентификации избирателей и обеспечения тайны голосования. На основе изученных источников формулируются предложения по совершенствованию законодательства и судебной процедуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дистанционное электронное голосование, судебная защита, избирательные права, доказывание, тайна голосования, цифровые технологии, идентификация избирателя.

PROKOPOVA Maria Alexandrovna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

ON THE ISSUE OF JUDICIAL PROTECTION OF ELECTORAL RIGHTS IN THE USE OF REMOTE ELECTRONIC VOTING: PROBLEMS OF PROOF AND DETERMINATION OF VIOLATIONS

ANNOTATION. This article examines the problems of judicial protection of citizens' electoral rights in the use of remote electronic voting (REV). The regulatory framework of REV, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the practice of resolving disputes related to the use of electronic technologies in elections are analyzed. Difficulties in proving violations during remote voting are identified: anonymity of the ballot, lack of a paper trail, technical failures. The issues of voter identification and ensuring the secrecy of voting are considered. Based on the studied sources, proposals for improving legislation and judicial procedure are formulated.

KEY WORDS: remote electronic voting, judicial protection, electoral rights, proof, secrecy of voting, digital technologies, voter identification.

Внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в российский избирательный процесс, начавшееся с экспериментов в Москве в 2019 году и получившее дальнейшее развитие в федеральном законодательстве, поставило перед судами новые вызовы. Традиционные механизмы судебной защиты избирательных прав, ориентированные на бумажный бюллетень, визуальное наблюдение и подсчет голосов вручную, оказались недостаточно при-

способленными для цифровой среды. Я полагаю, что ключевая проблема заключается в том, что при ДЭГ само нарушение (взлом системы, сбой алгоритма, подмена голоса) чрезвычайно сложно доказать в суде, а тайна голосования, являясь конституционным принципом, одновременно служит непреодолимым препятствием для проверки правильности учета каждого отдельного голоса.

Правовое регулирование дистанционного

электронного голосования находится в стадии формирования. Федеральным законом от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ в статью 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» включено определение дистанционного электронного голосования как голосования без бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения. При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2023 г. № 24, административное исковое заявление о защите избирательных прав при ДЭГ подается в суд по месту нахождения территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования, а если такая комиссия не сформирована – по месту нахождения комиссии, организующей ДЭГ [1, п. 22]. Я обращаю внимание на то, что данное разъяснение носит процедурный характер, но не решает вопрос о том, какие доказательства могут быть признаны допустимыми при оспаривании итогов ДЭГ.

Первый масштабный эксперимент по применению ДЭГ на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в 2019 году сразу же породил судебные споры. Как отмечает Ю.Я. Дубровина, кандидат в депутаты И.В. Ульянченко оспаривал решение Мосгоризбиркома, утверждая, что применение ДЭГ нарушает принципы тайного голосования и равенства избирательного права, а также использование специального программного обеспечения, не входящего в ГАС «Выборы», противоречит федеральному законодательству [2, с. 65]. Суды отказали в удовлетворении требований, апеллируя к добровольности выбора формы голосования и наличию шифрования данных. Однако, как справедливо замечает автор, уже по итогам голосования кандидат Р.А. Юнеман указывал на три сбоя в системе электронного голосования, однако суд счел, что технические неполадки не повлияли существенным образом на итоги выборов. Я считаю, что здесь возникает системная проблема: суд, не имея возможности провести независимую техническую экспертизу работы программного обеспечения (в силу закрытости кода и режимных требований), вынужден доверять заверениям организаторов голосования, что ставит под сомнение реальную возможность защиты права.

Проблема идентификации личности избирателя при дистанционном голосовании также имеет процессуальное измерение. С.А. Трыканова, анализируя организационно-правовые условия ДЭГ, предлагает обратиться к опыту Эстонии, где используется система ID-карт, содержащих персональную информацию избирателя, защищенных шифрованием и позволяющих с помощью электронно-цифровой подписи

проголосовать за кандидата [4, с. 86]. Я полагаю, что внедрение аналогичной системы в России, хотя и повысило бы уровень идентификации, не решило бы проблему доказывания в суде: электронная подпись удостоверяет личность, но не гарантирует отсутствие принуждения при волеизъявлении или технического сбоя, приведшего к искажению голоса. Кроме того, как справедливо отмечает автор, доступ к цифровым порталам может быть ограничен для отдельных категорий граждан, что создает риск нарушения принципа равенства, а это обстоятельство также может стать предметом судебного обжалования.

Наиболее тревожные оценки перспективам судебной защиты избирательных прав при ДЭГ дает А. Чертков. Он указывает, что «фактически кроме нескольких случаев «электоральных экспериментов» на муниципальном уровне выборы в Мосгордуму в 2019 г. стали единственным крупным экспериментом по использованию дистанционного электронного голосования и повлекли не только многочисленные обращения в суд (в том числе ставших основанием для принятия Постановления КС от 24 марта 2020 г. № 12-П), но и масштабные протестные акции» [5]. Автор обращает внимание на фундаментальную коллизию: в российских судах электронная переписка требует «бумажного» нотариального заверения, а отношение к электронным доказательствам не самое серьезное. Я разделяю эту обеспокоенность и считаю, что при отсутствии четких процессуальных правил оценки цифровых доказательств (логов системы, криптографических подтверждений, результатов независимого аудита кода) судебная защита избирательных прав при ДЭГ рискует стать фикцией.

Исследование отношения избирателей к новым технологиям показывает, что молодежь, которая является основным пользователем ДЭГ, в целом позитивно оценивает дистанционное голосование. А.А. Закусин, проведя аутентичный опрос 150 студентов Марийского государственного университета, установил, что 31 % опрошенных получают информацию о политике из интернета, а 69 % вообще не интересуются политикой через радио или телевидение [3, с. 278]. При этом автор предлагает внести изменения в ФЗ № 67, УК и КоАП в части урегулирования отношений, связанных с осуществлением ДЭГ, а также создать новую главу, посвященную специфике электронного голосования. Я поддерживаю эту идею, но полагаю, что необходимо пойти дальше и дополнить КАС РФ специальными положениями о распределении бремени доказывания при оспаривании итогов ДЭГ. В частности, следует установить, что организатор ДЭГ обязан предоставить суду не только общие сведения о работе системы, но и возможность проведения независимой технической экспертизы с сохранением тайны голосования (например,

путем деанонимизации только тех голосов, в отношении которых заявлены нарушения, с согласия избирателя).

Подводя итог, я формулирую следующие выводы.

Во-первых, действующее законодательство и судебная практика не выработали эффективных механизмов доказывания нарушений при дистанционном электронном голосовании, что создает риск невозможности нарушения избирательных прав.

Во-вторых, анонимность бюллетеня, являясь неотъемлемым принципом демократических выборов, при ДЭГ парадоксальным образом лишает избирателя возможности доказать, что его

голос был учтен неверно.

В-третьих, для решения указанных проблем необходимо, на мой взгляд, внести изменения в КАС РФ, предусмотрев возможность назначения компьютерно-технической экспертизы программного обеспечения ДЭГ с соблюдением режима тайны голосования, а также законодательно закрепить обязанность организаторов ДЭГ обеспечивать хранение неизменяемого аудита всех транзакций (блокчейн-протокола) для целей возможного судебного исследования.

Только при таких условиях судебная защита избирательных прав в цифровую эпоху сможет оставаться реальной, а не декларативной.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 7 июля.

[2] Дубровина Ю.Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан России при применении новых избирательных технологий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 62-69.

[3] Закусин А.А. Внедрение электронных технологий в российский избирательный процесс // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 3. С. 277-281.

[4] Трыканова С.А. Направления развития организационно-правовых условий цифрового дистанционного голосования в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 85-87.

[5] Чертков А. Риски электронного голосования: перспективы защиты избирательных прав граждан вызывают беспокойство. // Адвокатская газета. 2020. 15 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/riski-elektronnogo-golosovaniya/> (дата обращения: 18.05.2026).

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 dated June 27, 2023, «On Certain Issues Arising During Court Proceedings in Administrative Cases Concerning the Protection of the Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. July 7, 2023.

[2] Dubrovina Yu.Ya. Constitutional and Legal Protection of the Electoral Rights of Russian Citizens in the Context of New Electoral Technologies // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 2 (139). Pp. 62–69.

[3] Zakuskin A.A. Implementation of Electronic Technologies in the Russian Electoral Process // Bulletin of Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences.» 2019. Vol. 5. No. 3. Pp. 277–281.

[4] Trykanova S.A. Directions for the Development of Organizational and Legal Conditions for Digital Remote Voting in Russia // Education. Science. Scientific Personnel. 2021. No. 1. Pp. 85–87.

[5] Chertkov A. Risks of Electronic Voting: Prospects for Protecting Citizens' Electoral Rights Raise Concerns // Advokatskaya Gazeta. June 15, 2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/riski-elektronnogo-golosovaniya/> (accessed: May 18, 2026).

